

УДК 111:17.018.22:913:39(235.216)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-6-50-55

МЕСТОРАЗВИТИЕ ТЯНЬ-ШАНЯ. ТРАДИЦИЯ ПАМЯТИ

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Исследован перечень понятий, сформулированных и введенных в широкий научный оборот евразийцами. Раскрываются смысл и функциональное назначение понятия «месторазвитие», фиксируются ключевые ландшафтные зоны, несущие основополагающую этногенетическую нагрузку в пространстве кочевой Евразии, и особое внимание уделяется структурно-функциональному назначению горных ландшафтов. В основной повествовательной линии исследования освещается месторазвитие Тянь-Шаня, где метафизика горного уклада раскрывается через традицию памяти. Центром этнокультурной традиции памяти является эпическое предание, которое включает в себе летопись о тайнах прошедших времён и составляет ядро самосознания кыргызов. Рассмотрена сложившаяся родоплеменная структура кыргызского народа, которая отражала связь с формообразующим истоком и поддерживала бесперебойный транзит памяти из поколения в поколение. Особое внимание уделено роли и значению символической фигуры предка, который *существует* абсолютно, действует эффективно, обеспечивает космическую гармонию, творит и продлевает существование вещей.

Ключевые слова: месторазвитие; Тянь-Шань; прошлое; откровение; традиция памяти; генеалогия; архетип; эпическое предание; эпос «Манас».

ТЯНЬ-ШАНДЫН ЖЕРДИГИ. ЭСКЕРҮҮ САЛТЫ

Д.Д. Мукамбетов

Аннотация. Макаланын кириш бөлүгү евразиялыктар тарабынан кеңири илимий жүгүртүүгө киргизилген жана формулировкаланган түшүнүктөрдүн негизги тизмесин камтыйт. «Жер өнүктүрүү» түшүнүгүнүн мааниси жана функционалдык максаты ачылат. Андан кийин көчмөн Евразия мейкиндигинде негиз салуучу этногенетикалык жүктү алып жүрүүчү негизги ландшафттык зоналар белгиленет жана тоолуу ландшафттардын структуралык-функционалдык арналышына өзгөчө көңүл бурулат. Изилдөөнүн негизги баяндык багыты Тянь-Шандын жер өнүккөнүнө арналат, анда тоо тартибинин метафизикасы эскерүү салты аркылуу ачылат. Этномаданий эскерүү салтынын борбору болуп өткөн замандын сырлары тууралуу хрониканы камтыган жана кыргыздардын аң-сезиминин өзөгүн түзгөн эпикалык салт саналат. Андан кийин изилдөө багыты калыптандыруучу башат менен байланышты чагылдырган жана эс тутумдун муундан муунга үзгүлтүксүз транзитин колдогон кыргыз элинин калыптанып калган уруулук структурасын камтыйт. Толугу менен бар, натыйжалуу иштеген, космостук гармонияны камсыз кылган, нерселерди жараткан жана узарткан символикалык ата-бабанын ролуна жана маанисине өзгөчө көңүл бурулат.

Түйүндүү сөздөр: жер; Тянь-Шань; өткөн; аян; эскерүү салты; санжыра; архетип; эпикалык салт; «Манас» эпосу.

THE LOCATION OF THE TIEN SHAN. THE TRADITION OF MEMORY

D.D. Mukambetov

Abstract. The article covers a key list of concepts formulated and introduced into wide scientific circulation by Eurasians. The meaning and functional purpose of the concept of "place of development" is revealed. Then the key landscape zones bearing the fundamental ethnogenetic load in the space of nomadic Eurasia are fixed, and special attention is paid to the structural and functional purpose of mountain landscapes. The main narrative line of the study is devoted to the local development of the Tien Shan, where the metaphysics of the mountain lifestyle is revealed through the tradition of memory. The center of the ethnocultural tradition of memory is the epic legend, which concludes the chronicle of the mysteries of past times and forms the core of Kyrgyz self-awareness. Then the research focus covers the established tribal structure of the Kyrgyz people, which reflected the connection with the formative source and

supported the uninterrupted transit of memory from generation to generation. Special attention is paid to the role and significance of the symbolic figure of the ancestor, who exists absolutely, acts effectively, ensures cosmic harmony, creates and prolongs the existence of things.

Keywords: place development; Tien Shan; the past; revelation; tradition of memory; genealogy; archetype; epic legend; epic of «Manas».

В современную международную науку концепт месторазвития был сформулирован и введён евразийцами. Автор этого учения П.Н. Савицкий интерпретировал это понятие как «общезитие широкого порядка», которое складывается на основе генетических вековых связей между социумом и вмещающим ландшафтом, где географическая среда оказывает принудительное воздействие на этническое сознание и определяет все стороны социокультурного уклада народа, создавая «свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость» [1]. В.Г. Вернадский в связи с вышеизложенным отмечал, что «под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определённую географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общезития, развивающиеся в этой среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга» [2].

По Савицкому, формообразующей сущностью месторазвития как синтеза вмещающего ландшафта и народного измерения является организационная идея, которая конституирует структурное поле биосферного порядка и обнаруживает себя в социальной действительности в качестве фундирующего центра этнокультурной традиции. Поскольку же каждый биосферный уклад пронизан своим уникальным комплексом организационных идей, которые вложил в него Бог: «организация и есть дух, пребывающий в материи» [1, с. 135], то мы получаем эйдократическую модель сущего, развёрстанную в гетерогенном евразийском пространстве, «и если изучить его элементы и их увязки в структуру, то можно понять это предназначение. Таким образом, месторазвитие несёт в себе идею или смысл, оно есть не только географическая реальность, а некий «текст», сообщение» [3].

Современный евразиец А. Дугин, наследуя эйдократическую концепцию П. Савицкого,

развивает учение о разнообразных географических укладах и выделяет в качестве основополагающих следующие геософские модели – цивилизация Гор, Степи, Долин, Пустыни и Льда [4], тем самым определяя контуры преломления организационных идей сквозь ключевые ландшафтные среды, несущие решающую этногенетическую нагрузку в пространстве кочевой Евразии. Согласно Дугину, горы Турана являются зоной космологического стыка, местом обитания божеств, концентрированной зоной присутствия сакральных традиций и территорий, где консервируется духовный опыт ушедших эпох. В антропологическом плане горы Евразии являются наиболее комплементарной средой для шаманизма, жречества и философского умозрения вечных истин. В тиши горного поднебесья пишется провиденциальная летопись мира и раскрываются тайны космоцентричного преображения мира.

Принимая во внимание наработанный евразийцами эпистемологический актив и вооружаясь геософской методикой, попытаемся зафиксировать, как организационная идея месторазвития воплощается в горной среде Тянь-Шаня и какой комплекс этнокультурных характеристик порождает в ходе феноменальной объективации.

Месторазвитие Тянь-Шаня направлено на консервацию евразийских хроник, здесь жреческий экстаз объективирует сакральную энергетику гор и переводит геософский капитал в эпическую грандиозных повествовательных сюжетов. Сам же сакральный нарратив раскрывает последние тайны вселенского мироустройства, обнажает разумный замысел исторических изменений сквозь драматическое становление и борьбу идейных укладов. По этому метафизическому канону жречества организован и сюжетно построен эпос «Манас». На Тянь-Шане хранятся скрижали евразийского завета, здесь воплощена историософская летопись о тайнах прошедших времён, здесь всё освящено немеркнущим светом предания.

Духовная стратегия Тянь-Шаня обращена в прошлое, её сущностное острие направлено на охранение первозданных смысловых истоков – сбережение людских, социальных и этнокультурных повествований. Охранительная стратегия на Тянь-Шане образует ключевой поведенческий вектор, задаёт основополагающие идейно-нравственные ориентиры и наполняет антропологическое измерение социально значимым смыслом, приобщая человека к примордиальной традиции памяти. В консервативной среде Тянь-Шаня всё подлежит охранительной заботе – народные предания, социальные институты, природные объекты и традиционные элементы быта. Над всем выставлен неусыпный и бдительный дозор, везде ведутся караульные службы.

Всё, что оказывается в семантическом поле Тянь-Шаня, подлежит предварительной духовной селекции, а затем властно втягивается в эпическую воронку предания. Здесь всё окутывает сакральный символизм мифа, во всём струится дыхание примордиальных глубин, ибо только в предвечных чертогах мифа вещам придаётся историческая долговечность. В мифе преходящая природа явлений возвышается до контемплативных, ноуменальных значений.

На Тянь-Шане всё движется в унисон повествовательным эпическим ритмам, здесь этническое сознание подчинено тактам нарративных исхождений и фундировано её глубинами. Всякая социокультурная метаморфоза должна иметь символический прототип в мире предания и должна быть продиктована им. Предание освящает и прокладывает тропы к общественным изменениям. Всякое инновационное развитие должно совпадать с эволюционными тактами в духовной жизни народа, в противном случае наступает откат к исходным основаниям предания и сила регрессии пропорциональна амплитуде онтологического разрыва.

Здесь каждому человеку по провиденциальному замыслу назначено быть стражем, ограждать освящённую преданием этнокультурную реальность от деформирующих инноваций: «Поскольку народная традиция – вещь отнюдь не случайная, и она не конструируется путём механического сложения совокупного опыта

людей, рождение этнокультурной традиции – явление исключительное и в высшей степени неповторимое в историческом контексте, поскольку она содержит в себе онтологическое уравнивание, где проявлен фундаментальный переход от небытия к бытию, от тайны беззакония к законам миротворения, и в ней содержатся инклюзивные ключи для поддержания космоцентричного порядка» [5].

Отход от эпического предания приводит к поступательной нравственной деградации людей, к отчуждению от общепринятых моделей поведения и распаду социально-ролевых позиций. В результате морального разложения нравов деградирует сама космическая среда, в ней возрастает системная энтропия, расшатываются общественные и антропологические границы, усиливается смешение духовных и социально-политических функций. Качественная вертикаль замещается количественной горизонталью, происходит переворачивание онтологических полюсов – духовный центр смещается на периферию.

Отчуждение от предания сопровождается расцветом профанного мировоззрения, вторжением социокультурных новшеств и распадом народного единства. Мир выворачивается наизнанку, когда область предельных смыслов изгоняется из поля зрения, когда традиция памяти погружается в беспмятство, когда распадается этнокультурная связь времён, когда теневая реальность манкуртизма становится актуальным содержанием повседневной жизни, тогда трагически фиксируется приход эсхатона.

В то же время культурная модель Тянь-Шаня – наименее благоприятная среда для проявления духовного новаторства, внедрения социальных новшеств и апробирования оригинальных подходов. Здесь стихия индивидуальной свободы должна быть органично вписана в строгую модель нормативного должностования и подчинена авторитету традиции. Всякому новаторскому подходу противостоят колоссальная инерция среды, многовековая тяжесть этнокультурного гомеостаза. Всякий ретроспективно непредусмотренный индивидуальный порыв заглушается резистентностью социальной среды или вытравляется молохом общественного осуждения.

Любая новизна, не апробированная авторитетом традиции, не освящённая сакральным преданием прошлого, воспринимается как опасный нравственный уклон, как духовное соскальзывание в область беззакония. Формообразующий исток традиции предначально заключает в себе метафизическую полноту и социокультурное совершенство, имплицитно воплощая в себе все конгруэнтные антропологические модели, комплементарные космоцентричному устройству мира. Поэтому любое волеизъявление, чреватое экзистенциальным отчуждением от проложенных традицией антропологических путей – мыслительных или деятельностных, купировалось ответным социальным противодействием. Мыслить о мире в подлинных значениях – значит реактуализировать священный опыт предания в своём мышлении, жить праведно – значит следовать освящённым древностью канонам социального домостроя.

В консервативной среде Тянь-Шаньского месторазвития такие понятия, как первородный, исконный, примордиальный, изначальный, равно как и другие символы, имеющие семантическую соотнесённость с сакральным центром, трансцендентным преданием, наделены сверхценной значимостью, заключают почти магическую власть над людским воображением и сферой социальных действий.

На Тянь-Шане отовсюду доносятся голоса из прошлого, везде звучит неумолчная летопись былых времён и вся социоприродная действительность включена в сакральный поток времени. Горы, реки и озёра являются сакральными хранилищами сведений о сбывшихся эпохах, природные объекты провозвещают хронотоп истекшей длительности, являясь в натурфилософских представлениях кыргызов местами подлинных знаний, зонами экстатических откровений. Природная действительность была органично встроена в социокультурный уклад кыргызов и играла основополагающую роль в механизмах консервации духовных преданий и в инициатической цепи трансляции сверхчувственных сюжетов.

Вся символическая реальность мироустройства кыргызов была включена в традицию памяти, подчинена нормативному режиму

реактуализации священного предания. Это налагало консервативную печать не только на социокультурную модель традиционного мироустройства, но и детерминировало духовный горизонт познавательных стратегий кыргызского народа. На Тянь-Шане истина о сущем провозвещается из ретроспективной оптики на мир, авторитет традиции определял границы и содержание гносеологического акта.

Сфера дискурсивных устремлений являлась составной частью предания и не обладала автономным потенциалом для всесторонней реализации. Философская мысль кыргызов была скована и заключена в консервативный режим строгой нормативности. Консервативный канон определял идейный горизонт выражения духа, прокладывал освящённый традицией маршрут всякой дискурсивной динамики мысли. Любое дерзновение духа купировалось предзаданным семантическим рядом, затушёвывалось символической гегемонией священного предания.

Широкий комплекс метафизических, космологических, гносеологических и натурфилософских отраслей знания был включён в консервативную ориентацию кыргызского сознания и не имел самостоятельного эпистемологического значения, как следствие, не получил предметной концептуальной разработки и содержательной проработанности.

Область умозрительных знаний рассматривалась как часть древнего евразийского наследия, идейно-философского и мировоззренческого предания. Исходя из этой аксиологической перспективы и формировалось соразмерное отношение к этой области как символическому измерению, которое подлежит поколенческой ретрансляции, как довлеющему в своей семантической полноте сакральному объекту, который нужно сберечь в первозданном виде без субъективных aberrаций и идейных привнесений. Предание не подлежит дискурсивному препарированию и критическому осмыслению, её священная природа не подотчётна взысканиям рефлексивного мышления.

Консервативное отношение к умозрительной области знаний позволило сберечь и пронести натурфилософский корпус представлений сквозь целые этнокультурные эпохи почти

в неизменном виде, с одной стороны, с другой – вывести свою идейную субъектность за скобки в этом грандиозном транзите знаний, встать по ту сторону духовного зодчества, прочно заняв позицию духовного умолчания.

На протяжении веков весь умозрительный потенциал кыргызского народа был поглощён стяжением предвечных образцов и героических сюжетов, метафизическим исхождением откровений о Манасе. Все интеллигибельные ориентации духа были инкорпорированы в повествовательный строй эпической традиции, который издревле наполнял сакральным звучанием глубин ретроспективный уклад месторазвития Тянь-Шаня и составлял духовное ядро кыргызского самосознания. Экзистенциальная жажда по предельным онтологическим смыслам утолялась из бездонного эпического родника из века в век.

Для кыргызов живая реальность космоса открывалась напрямую, минуя дискурсивные формы и критические установки мышления. Все тайны мира пребывали в режиме созерцательной доступности и были нерасторжимо встроены в экзистенциальную ткань их жизненной повседневности. Все многогранные форматы реальности были включены в синкретическую модель предания и оживлялись её нескончаемым ритмом исхождения. Поэтому кыргызская мысль была инкорпорирована сферой предания, а тайны мира раскрывались в области сверхчувственных манифестаций.

В месторазвитии Тянь-Шаня действует метафизическая установка, что причина всегда больше следствия, она имеет большую степень реальности и совершенства, чем её производные. Архетипический исток в мировоззрении кыргызов включает в себе всю полноту актуальных манифестаций, которые в последующем, в ходе поколенческих воплощений, наследуются потомками. Поэтому символический образ предка образует некую референциальную точку отсчёта для всех последующих поколений, его архетипическая сущность, подобно фокальной точке, аккумулирует в себе весь объём сюжетных линий, героических свершений, драматической борьбы и социальных метаморфоз на путях достижения катарсиса, духовного возвышения.

Вся дальнейшая вереница генеалогических звеньев всецело ангажирована примордиальной субъектностью легендарного предка, субординирована его формообразующим диктатом и встроена в предзаданный генеалогический поток. Дальнейшая череда поколений лишь нюансирует и преломляет сюжетное содержание легендарного предания, придавая ему богатство коллатеральных прочтений и высвечивая те или иные семантические оттенки. У кыргызов вечные эйдосы сошли с небес на землю, а временным диапазоном их присутствия является сакральное прошлое, а не будущее.

Сакральный образ легендарного предка образует коллективную душу социальной группы, соборный эйдос, который дублируется и феноменально множится в поступательном отдалении от своего прототипа, в ходе которого происходит последовательное убывание актуального совершенства примордиального начала. Золотой век у кыргызов всегда в прошлом, эпоха торжества справедливости, правды и добродетели осталась позади, дальнейшая фабула движения влечёт за собой человеческое измельчание, социальную деградацию и триумф беззакония.

Эта регрессивная установка на следование духовным образцам прошлого и сбережения своего примордиального уклада сформировала повышенную ориентацию на консервацию всех сторон жизни, реактуализацию символического предания в социальном измерении кыргызов. Как отмечал Мирча Элиаде: «Только сакральное *существует* абсолютно, действует эффективно, творит и продлевает существование вещей. Бесчисленные сакральные действия – сакрализация пространства, предметов, людей и т. д. – свидетельствуют о жажде реального» [6] у человека традиционной культуры.

Для кыргызов подлинная реальность состоит в имитации, воспроизведении жизненной стратегии легендарного архетипа, поскольку любая поведенческая модель обладает символической значимостью ровно настолько, насколько включает ретроспективное тождество с формообразующим истоком, отсюда социальное достоинство человека определялось включённостью в этническое древо поколений и предметным знанием своей генеалогической традиции.

Общественная система кыргызов в традиционную эпоху и вплоть до новейших страниц истории сверху донизу была прошита генеалогическими преданиями, в согласии с которыми выстраивались родоплеменная структура, социальные коммуникации и властная вертикаль.

Каждый элемент родоплеменной структуры был охвачен генеалогическими преданиями, возводившими свои этногенетические истоки к героическому предку, нередко легендарному. Культурная ориентация на единое генеалогическое древо предусматривала обязательную интеграцию новых этнических компонентов в родоплеменной состав кочевых сообществ с последующим их включением в традиционную генеалогию.

Как отмечает отечественный исследователь Ш. Ураимов: «В зависимости от происхождения по вертикальной патрилинейной филиации человек включался в определённую родоплеменную группу. От родоплеменной принадлежности кочевника зависели его социальный статус, отношение других людей, престиж и авторитет» [7]. При этом показательно, что реальность генеалогического истока существовала лишь на социально-низовых уровнях, знать же возводила свою родословную к легендарным, эпическим архетипам, о чём указывал ещё в XIX веке казахский исследователь Ч. Валиханов: «Весьма важный отдел преданий составляют предания генеалогические. На этих преданиях основан родовой быт. Отношения родов между собою обуславливаются степенью родства родоначальников. Старшинство одного племени перед другим выражается правом физического превосходства предка. Предания его рода важны в том отношении, что они представляют состав и образование народа» [8].

Подобная социокультурная модель в совершенстве отвечала трансцендентальным

установкам месторазвития Тянь-Шаня и обеспечивала беспрепятственный транзит духовной памяти по генеалогическим линиям родства, где поколенческая связь определялась сбережением первозданного нарратива, органичностью включённостью социальных групп в сакральный поток времени.

За столетия духовной пропедевтики всё многообразие выработанных социальных практик, культурных институтов и нормативных практик было инкорпорировано в инициатическую традицию памяти, организовано в согласии с метафизическим хронотопом прошлого. Консервативный кыргызский уклад отличался повышенной социальной устойчивостью и существовал фактически в неизменном виде вплоть до вхождения в состав царской России.

Поступила: 30.04.2025;

рецензирована: 19.05.2025; принята: 21.05.2025.

Литература

1. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия / П.Н. Савицкий. М.: Аграф, 1997. С. 283.
2. *Вернадский В.Г.* Начертания русской истории / В.Г. Вернадский. Петроград, 1927. С. 26–27.
3. *Вахитов Р.Р.* Теологическая структуральная геософия П.Н. Савицкого / Р.Р. Вахитов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. С. 147.
4. *Дугин А.Г.* От сакральной географии к геополитике. 21.01.2022. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/ot-sakralnoy-geografii-k-geopolitike> (дата обращения: 29.04.2025).
5. *Мукамбетов Д.Д.* Традиционалистский дискурс в философии заманизма / Д.Д. Мукамбетов // Вестник КРСУ. 2025. Т. 25. № 2. С. 74.
6. *Мирча Элиаде.* Миф о вечном возвращении / Мирча Элиаде. М.: Ладомир, 2000. С. 6.
7. *Ураимов Ш.М.* Санжыра (летопись) как исторический источник / Ш.М. Ураимов. Баткенский гос. университет, 2016.
8. *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии: в 3 т. / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 75.